

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

О. Коряков

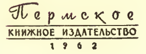
РОЖДЕНИЕ ДОРОГИ

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

О. Коряков

РОЖДЕНИЕ ДОРОГИ

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

Отряд геологов пробирается на машине по тайге. Дождь так размыл и залил дорогу, что двигаться по ней дальше нельзя. Геологи решают ехать напрямик, через гору, по тропинкам, а кое-где и прорубая путь в лесу. Вот тогда, в трудностях, в преодолении препятствий и выявляются истинные качества людей.

Автор рассказа, свердловский писатель Олег Фокич Коряков, родился в 1920 году в Иркутске, в семье инженера. Окончил факультет журналистики Уральского университета. Работал в газетах. В 1942—1946 годах служил в Советской Армии, в пехоте. С 1946 года снова в основном на журналистской работе в Свердловске — в газете «Уральский рабочий» и журнале «Урал», редактором которого был в течение двух лет. С 1943 года — член КПСС.

Первая повесть «Приключения Лёньки и его друзей» вышла в 1949 году и была отмечена премией Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книжку. Переведена на китайский, немецкий, чешский, румынский, польский, болгарский языки. Затем печатались повести для детей и юношества «Остров без тайн», «Костя-работяга», «Хмурый Вангур» (по этой повести поставлен фильм), «Лицом к огню», сборник очерков, сборники рассказов для детей, два сборника рассказов для взрослых — «Суровые будни» и «Прозрение».

Олег Фокич Коряков

РОЖДЕНИЕ ДОРОГИ

Редактор *С. М. Гинц.* Художник *В. Н. Аверкиев.* Художественный редактор *М. В. Тарасова.* Технический редактор *Г. М. Езов.* Корректор *Л. К. Крамаренко.*

Подписано к печати 6|VIII 1962 г.
Формат 84×108 1/32 0,375 б. л. 0,75 п. л. уч.-изд. 0,95 л.
ЛБ08287 Тираж 60 000 экз. Цена 3 коп.

2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая. 57. Зак. 998.

Посвящается Л. Н. Овчинникову

Урча на малом ходу, машина свернула с тракта на просёлок и почти сразу угодила в болотину.

— Вы-вылезай! — радостно пропел Ваня Спичкин, словно ему доставляло величайшее удовольствие под дождём вытаскивать грузовик из болота.

За Ваней, так же проворно, через борт перемахнул Слава Дунаев с топором в руках — мостить гать.

Виталий Трубкин в нерешительности поставил ногу за борт и с тоской поглядел на тяжёлые, гнусно-серые облака, придавившие мир дождевой слякотью.

— За-алезай! — раздалась в это время весёлая команда, и Ванчик, а за ним Слава, оба мокрые, влезли в кузов, под брезентовый тент.

— Иван-большой, — сказал Слава о шофёре, — обещает объехать.

Мощный мотор двухтонного ГАЗ-63 взревел, из-под колёс брызнула жижа, и грузовик подался назад, а затем начал обходный манёвр.

Машину трясло и бросало на ухабах и пнях, но её пассажирам, кажется, всё было нипочём. Они проехали в этом автомобиле, колеся по степи и уральской тайге, уже около тысячи километров, сжились с ним, и кузов грузовика походил не столько на кузов, сколько на обычное

жильё геологов. Сверху он был закрыт растянутым на железном каркасе обтрепавшимся брезентом. На «полу» стояли ящики с провизией, инструментом и геологическими образцами. В переднем левом углу высилась крепко принайтовленная бочка с бензином. Ящики были прикрыты тючками с палатками и спальными мешками, и на них-то с полным походным комфортом устроились наши путешественники.

Такая это была машина.

Справа у борта, так, чтобы видно было дорогу, полулежал Ефрем Иванович Суров, кандидат наук, заместитель начальника отряда. На ухабах его большое, тяжёлое тело обязательно ударялось о борт, но Ефрем Иванович за долгие годы экспедиционной жизни привык не обращать внимания на подобные пустяки.

Слева от него расположились коллектор Виталий Трубкин и аспирант геологического института Слава Дунаев. Слава непрерывно, одну за другой, распевал песни какие только приходили на память. От этой непрерывности песни казались монотонными и скучными. Виталий не то дремал, не то спал.

Около бензинной бочки свил себе гнёздышко Ванчик. Он лежал, полузакрыв глаза, и его добродушное, чуть расплывчатое лицо было очень серьёзным. Ванчик размышлял — о себе, о товарищах, о жизни.

Заметили? У всех есть должности, звания: кандидат наук, заместитель начальника, аспирант, коллектор... У одного Ванчика нет. А между тем он вовсе не последняя спица в колеснице отряда. На привалах и во время работы только и слышно: «Ванчик, сюда!», «Ванчик, за водой!», «Ванчик, дай молоток». Без Ванчика —

никуда. А кто он такой? Очень неопределённая должность — Ванчик, и только.

Но Ванчик на это не обижается. Что ж, такая у него пока доля. Ему всего-навсего семнадцать лет (он всем говорит: восемнадцатый), и приняли его минувшей весной в научный геологический институт кем-то вроде ученика. Вот он и учится всему и всё делает. А выучится — будет и у него настоящая должность.

Другое дело Виталий Трубкин. Он старше Ванчика на три года и уже окончил заочно один курс горного института. И должность у него вполне солидная — коллектор; это значит сотрудник экспедиции, собирающий и сортирующий образцы минералов. Ну, правда, делает он это по указанию старших. И вообще Ванчик считает, что сотрудник этот, Виталий, почему-то не очень уважает свою должность. Не болеет за неё. Не любит, что ли.

Слава Дунаев, например, тот и институт закончил, и уже не в одной экспедиции успел побывать, и в аспирантуре учится, а всё старается куда больше Виталия. И звать-то его надо было бы не Славой, а Станиславом Васильевичем, да уж так все привыкли. И он привык. А что особенного?

Вот кончится «поле» — время работы геологов в поле, в лесу, — Ванчик поступит в вечернюю школу, закончит девятый класс, десятый, поможет сестрёнке, а там и в институт пойдёт. Поездит с экспедициями — можно будет, как Слава, попроситься в аспирантуру. Глядишь, и Ванчик станет кандидатом наук. Ого-го! А что?

Ну, а дальше?.. Ой, Ванчик, не зарывайся... Ведь профессор-то Овечкин сколько своими ногами по земле топал, сколько научных работ на-

писал, сколько новых месторождений открыл! На Северном Урале и сейчас работает рудник его имени — Овечкинский... Ну и что же? И мы своими ногами потопаем, и мы научные работы писать будем, и мы, может быть...

Машина резко остановилась, всех качнуло вперёд, назад, и тотчас раздалось зычное и требовательное: — Ванчик, карту!

Это подал голос сам начальник отряда, профессор. Пётр Николаевич Овечкин.

Невысокого роста, почерневший на ветру и солнце, левое плечо чуть ниже правого, в грубых брезентовых штанах и такой же куртке, он, как медведушко, выбрался из шофёрской кабины, потоптался, разминаясь, посмотрел в мокрое небо, сказал коротко и недовольно:

— Нда-с, — и полез под брезент, чтобы карту не замочило дождём.

Машина остановилась у домика лесника. Во дворе яростно залились собаки. За оконным стеклом, сплошь застланным бегучей водой, показалось чьё-то бородатое лицо.

— Ну вот, — потыкав пальцем в бледнозелёный лист карты, сказал Овечкин, — здесь и сворачивать нам на Уватал.— И кивнул Ефрему Ивановичу на домик: — Сходим расспросим.

Ванчик шмыгнул вслед за начальством.

Лесник, тот самый, что показывал в окне свою роскошную бороду, узнав, куда едут геологи, задумчиво почесал грудь и похмыкал. Затем полюбопытствовал:

— Сколько вас на машине-то?

— А что?

— Да вот не знаю, где разместить. Места-то у меня не шибко много.

— Размещать нас не требуется.

— Что, в палатках расположитесь?

— Да нам ехать надо!

— Понимаю, — усмехнулся в бороду лесник, — очень даже понимаю. Вам ехать надо, а дорогу-то дождь съел. И так была она хлипкая, а ныне залило — не то что машина, а человек едва проскочит... Денька четыре — это уж наверняка — обождать придётся.

Овечкин задумался. Он любил во всём ясность и определённость.

— Вот слушайте, уважаемый. — Профессор мягко положил руку на плечо старика. — Сейчас у нас двенадцатое, утро. Так? В Увате-ле мы должны быть не позднее чем днём послезавтра. Должны. Посоветуйте, что сделать.

Овечкин не стал объяснять, что вся работа его отряда идёт по строгому графику; что на последних перегонах они выиграли сутки и могут, в крайнем случае, потерять только эти сутки, не больше; что послезавтра днём в Уватал придёт вертолёт со специальными приборами и к тому времени отряд обязан быть там. Профессор не стал всего этого объяснять. Он только сказал: «Должны».

Старик долго хмыкал и всей пятернёй озабоченно скрёб волосатую щёку.

— Не знаю, что и присоветовать. Не проехать вам, вот и всё. Только машину загубите, а толку всё одно не будет. Разве что... Вот не знаю, решайте сами. Через гору двинуться, напрямик. Будет, конечно, посуше. Но дороги через гору нет, так, тропинки в лесу. Продерётесь со своей машиной через лес — продирайтесь. Только уж сами решайте. — И старик, растопырив пальцы, выдвинул перед собой обе руки, как бы отгораживаясь от геологов.

Овечкин и Суров долго рассматривали карту.

— Попробуем? — сказал Ефрем Иванович.

Овечкин сосредоточенно молчал, поджав губы.

— А что! Попробуем! — не утерпел Ванчик.

Профессор с совершенно откровенной насмешкой обернулся к нему:

— Ты так думаешь?

Ванчик смутился, но ответил как можно солиднее:

— Вытянем, Пётр Николаевич.

Овечкин повернулся к леснику:

— Ясно, старик? Вот какие у нас орлы!.. Ну, всё. Раз Ванчик сказал — так и будет. Двинулись!

...Сначала, как обычно, ехали в кузове. Но всё чаще и чаще Ванчик запевал своё «вы-ылезай!»: нужно было то подкладывать жерди под колёса, то забрасывать за деревья цепь, чтобы грузовик на ней подтягивался вперёд, то вырубать деревья, упрямо преграждавшие путь.

Им не нравилось, этим старым, седым великанам, что какая-то урчащая козявка столь бесцеремонно нарушила их замшелый покой. Они пытались останавливать её своими лапами-ветвями. Но лапы гнулись, отступали или просто ломались и повисали, беспомощные, бессильные, мёртвые. Затаив стон, раненые гиганты гневно перешёптывались, сговариваясь о какой-то новой каверзе, которая, наконец, устрашит и остановит этих наглых людишек.

Первым покинул машину Овечкин. Косолапя, чуть заваливаясь влево и вперед, он спорой походкой человека, который больше половины из своих сорока пяти лет провёл в лесу, шагал впереди грузовика и высматривал, где бы по-

ловчее протиснуть машину меж деревьев. На еланях, где буйствовали дикие травы, Овечкина скрывало почти с головой и над цветастым густотравьем мелькала лишь его заломленная на затылок кепка. За этой прыгающей точкой и полз неутомимый грузовик геологов.

Следом за профессором лесной тихоход покинули Ванчик, Слава и Суров. Неизвестно, сколько просидел бы в кузове Виталий, — его выбросил оттуда властный бас Овечкина:

— Третий топор — сюда!

Оно собралось с силами, несгибаемое племя таёжных жителей, одетых в вечнозелёные и вечнопрохладные шубы. Деревья тесно сгрудились вокруг машины и, видимо, были уверены в своей победе: больно уж хвастливо и насмешливо размахивали они своими лапами над головами людей. Поднимался ветер.

Ванчик орудовал топором рьяно, размашисто, весело, и трудно было сразу определить, от чего одежда на нём мокрая — от дождя или от пота. Слава рубил резкими, короткими, математически точными ударами. Виталий тюкал неторопливо и вяло. Ефрем Иванович подошёл к нему, молча забрал топор — и лесной великан вздрогнул под крепкими, умелыми руками. Вот он качнулся, затрещал, помедлил немного, словно прощаясь с братьями, и, ломая свои и чужие ветви, тяжко рухнул на землю. Рядом уже падал второй...

Снова ползли, пробираясь вперёд.

— Люблю, когда дождь! — неуклюже пошутил Слава, отжимая воду из рукавов куртки.

— Да уж, есть что любить! — отозвался Трубкин.

— А что! — влез в разговор Ванчик. —

Хоть мокро, зато мрази поменьше. Красота! — Мразью они называли комаров, мошкару и оводов — всех, кто не давал им житья.

— Сразу видно: разбираются люди в лесной жизни, — не то одобрительно, не то с издёвкой откликнулся Овечкин. Эта неопределённая интонация всегда звучала в его репликах, особенно, если был он в добром настроении.

Суров снисходительно молчал: что ж, пусть поболтают, человек — существо слабое, ему без разговоров никак нельзя.

Через четыре часа были преодолены первые три километра.

Ваня-большой — высокий, жилистый человек, чёрный, лобастый, с крупным ртом — объявил:

— Устал мой человек, запарился. — И, загремев капотом, полез в мотор. — Водицы бы человеку испить.

Овечкин развернул карту.

— Тут, с полкилометра, ручей. — Он махнул в сторону круто сползающего вниз склона.

— Пётр Николаевич, я сбегаю? — И глаза, и веснушки на лице Ванчика сияли так откровенно, что было ясно: с той же готовностью он побежит и не за полкилометра, а за все пять.

Профессор хмуро покосился на Виталия и пожал плечами, словно хотел сказать: «Дело твоё. Как хочешь». Ванчик схватил два ведра, но уже на ходу второе у него отобрал Слава, и, скользя по склону, с лёту обнимая стволы деревьев, они устремились вниз.

Иван-большой возился с мотором своего «человека». Остальные забрались в кузов покурить. Сопя непрочищенной трубкой, профессор мычал какой-то несложный мотив. Неожиданно он сказал:

— Что, господин хороший, не любишь за водой-то под горку ходить? — И, как бы читая мысленно возражение Виталия, пробурчал: — Мы, брат, в своё время бегали. Так же бегали. Нда-с.

И снова сердито засопел.

Принесённая вода оказалась чудесной. Её с удовольствием пили не только Ванин «человек», но и люди. Виталий тоже пил.

Дождь почти перестал. Над головой, чуть не задевая верхушки сосен, торопливо бежали посветлевшие рваные облака. Впереди было редколесье, но предстоял тяжёлый подъём.

Надрывно и нудно ревел мотор. Метр за метром. Иногда — рывок: позади сразу десятки метров. Хорошо, что у грузовика обе оси ведущие.

— Не лезь по гребню, — сказал Овечкин шофёру. — Давай по склону.

Ваня-большой взял правее. Тут-то чуть и не полетел вверх тормашками отряд профессора Овечкина.

Машина вдруг поползла вниз. Накренившись, она боком скользила к обрывистому обнажению гранита. Шофёр резко дал задний ход. Безрезультатно! Лишь летели из-под колёс тяжёлые клочья мокрого мха.

Суров бросился назад. Через минуту, с разбухшей от напряжения шеей, он тащил толстое полусгнившее бревно.

— Мох! — гаркнул Овечкин. — Отдирать из-под машины мох!

Он подскочил к Сурову, и вдвоём они поставили бревно как подпорку между судорожно бьющейся машиной и ближним деревом. Дерево было чахлое, оно гнулось.

Ванчик и Слава распростёрлись у передних колёс и срывали мох с гранитной плиты, что ле-

жала под грузовиком. Видно, дождевой воды было так много, что она подмочила ризоиды — волосинки, которыми мох цеплялся за камни. Мох превратился в непрочно держащуюся на ослизлой поверхности массу. Колёса буксовали.

Виталий вытащил из кузова лопату и принялся соскребать мох перед задними колёсами. Быстрее было бы руками, но он боялся: машина рванётся — раздавит.

Бревно-подпорка угрожающе затрещало.

Овечкин подлетел к Виталию и, вырвав, отшвырнул лопату.

— Руками! — заорал он, и сам, кинувшись на землю, начал отдирать и отбрасывать мох.

Подпорка с треском рухнула.

Но почти в тот же момент машина подалась назад. Медленно, медленно, с натугой... быстрее... пошла!..

Когда от гибельного места отъехали с километр, Овечкин спросил у Виталия:

— Лопату захватил?

Виталий растерянно посмотрел вокруг:

— Никто не подобрал?

Нет, никто не подбирал. Никто, кроме Овечкина, и не видел лопаты в руках коллектора.

— Что же, я за тебя должен это сделать? — Громы вот-вот готовы были прорваться в голосе профессора.

Виталий быстро и зло взглянул на него и уныло побрёл назад.

— Бегом! — хлестнул его Овечкин, и Трубкин побежал...

Он догнал отряд уже вечером, когда располагались на ночлег. Никто не сказал Виталию, что его специально ждали целый час. Все поняли, что он попросту дожидался где-то привала.

Каждый делал своё дело. Ефрем Иванович поставил и окапывал палатки. Овечкин с Ваней-большим, разведя костёр, таскали хворост. Ванчик ушёл за водой. Слава возился с продуктами, орудуя одной рукой: вторую он поранил перед самым привалом.

Обычно обязательно находилось какое-нибудь дело и для Виталия, а тут он увидел, что делать ему нечего. Принялся было собирать топливо, но, оказалось, напрасно: его было заготовлено уже достаточно. Виталий сел на поваленную ель, закурил и начал бросать в костёр шишки, стараясь попадать в одну и ту же головешку.

Рядом подсел Овечкин, стянул сапоги, блаженно пошевелил пальцами и крякнул. Не глядя на Виталия, сказал:

— Покуриваем, молодой человек?

Виталий огрызнулся:

— А что же ещё, если всё уже сделано!

— Оно конечно,— почти смиренно согласился профессор,— лодырю всегда делать нечего.

«Что он меня преследует? Что я ему плохого сделал? — с гневным раздражением подумал Виталий. — Недоволен, что я не такой, как Ванчик? Так я же не мальчишка на побегушках!»

Блики огня, то яркие, то слабые, прыгали по лицу Виталия, и от этого казалось, что лицо подёргивается. Оно и так было не очень правильным — плоское, словно высеченное торопливым и не очень умелым скульптором, — теперь же колеблющиеся тени ещё больше подчёркивали ошибки ваятельницы-природы...

Под утро в палатку — бог знает, в какие щёлочки! — набилось столько мошкары, что Ванчик, как ни умаялся накануне, проснулся. Всё лицо горело и нестерпимо зудилось. Ванчик

решил сходить в машину за накомарником, но, выбравшись из спального мешка и из палатки, окончательно стряхнул с себя сонную одурь.

Ещё не совсем рассвело. Тяжёлый, сырой туман затопил лес. Смутно темнели деревья. Костёр почти потух. Блёклое пламя лениво полизывало посеревшие от пепла головешки. Нахально громко звенели комары.

Раздув огонь и набросав на костёр мокрой травы, Ванчик, поёживаясь, устроился на дымке́. Тонкие жёлто-белые нити пламени никли в дыму и пару, но вдруг, соединившись, выхлёстывали вверх, трава вспыхивала и, обугливаясь, чернела. Сразу дыма становилось мало, и тогда Ванчик снова подбрасывал травы.

Думать ни о чём не хотелось. Очень хорошо было сидеть просто вот так, расслабив тело, не напрягая мысль, и смотреть в огонь.

Он задремал. И вдруг словно что-то толкнуло его. Ванчик раскрыл глаза и прямо перед собой, метрах в сорока, увидел лося.

Подняв тяжёлую бородатую голову, лось повернул её в сторону ночного бивака, недоумевая, кто это, непрошенный, обосновался в его владениях. Ванчик замер. Замер и могучий таёжный красавец. Его широкие, лопатками, рога осветил первый солнечный луч, и от этого чёрная мохнатая грива стала ещё чернее. Лось раздул ноздри: ему хотелось понять непонятное по запаху. Но ветер дул от него, и, видимо, лось ничего не понял. Он стоял всё так же.

— Свистать всех наверх! — раздался зычный голос из палатки профессора. Овечкин называл это: «Подъём с прочисткой горла».

Ванчик даже вздрогнул. Лось тоже вздрогнул, вздёрнул голову ещё выше, метнулся в сто-

рону и побежал, легко неся длинное горбатое бурое тело. Через две секунды он исчез в затуманенной чаще леса.

Овечкин, выслушав Ванчика, хмыкнул.

— Поди, приснилось,— небрежно сказал он. Потом посопел трубкой и, пробормотав: — Нда-с. Жалко, — пошёл умываться.

И Ванчик понял, что профессор только притворился, будто не поверил рассказу о лосе, а на самом деле жалеет, что спугнул его, а ещё больше — что не посмотрел сам.

В первый день пробились на семь километров. Оставалось ещё десять.

— Чепуха! — Слава лихо взмахнул перевязанной рукой и подмигнул Ванчику.

Тот шутки не принял и, морща нос, отчего веснушки сбежались почти в одно рыжее пятно, очень серьёзно ответил:

— Конечно, не чепуха. Но ничего, одолеем. Верно, Пётр Николаевич?

Профессор посмотрел на него насмешливо:

— Ты думаешь? А что! Факт.

...Милая, тысячу раз воспетая поэтами тайга! Провалилась бы ты в тартарары, что ли? Нельзя же так мешать людям делать нужное дело. Ну хоть немного посторонись, чуточку!

Нет, не хочет сторониться непоклонная, гордая властительница.

Отгородившись кронами от солнца, в душной, пряной полутьме вырастают, падают, гниют и вновь тянутся к солнцу — поколение за поколением — упрямые сыновья и дочери тайги. Чащоба... бурелом... Сосна, берёза, ель, пихта, осина, липа — всё перемешалось, переплелось. Это — южноуральская тайга. Она повеселее

мрачного хвойного северного урмана. Но ведь машине не весёлость нужна. Ей нужна дорога.

Дороги нет.

— В топоры!..

Падают деревья. Урчит, переваливается на колодинах, лезет, продирается вперёд машина. Настырная!

Ночью было холодно, теперь — пот литрами. На еланях воздух плавится от жары — дрожит и слоится. Но это бы всё ничего, вполне терпимо, если бы не мошкара и комары.

— Вот за всякие там открытия премии разные дают, — начинает рассуждать Ванчик. — Я бы все премии собрал и отдал тому, кто изведёт эту мразь. — Он нещадно бьёт себя по лицу.

Накомарники давно сброшены: в них слишком жарко, и, кроме того, мошкара всё равно пробивает сетку, жжёт, липнет к потной, распаренной коже, лезет в уши, нос, рот.

Слава на мотив известной песни запевает:

По горам, по лесам,
Нынче здесь, завтра там...

И Ванчик во всё горло подхватывает:

Эх, по-о лесам, лесам, лесам, лесам,
Да ны-ынче зде-есь, а завтра там!..

Остальные молчат, и песня быстро вянет: очень уж неестественна сейчас её бодряческая интонация. И на песню уходят силы... Всё же к вечеру ещё восемь километров осталось позади.

На ночлег остановились засветло. Профессор сочувственно оглядел свой отряд. На руках и лицах — ссадины, расчёсы, синяки. Одежда сносилась, обтрепалась, поизорвалась.

— Нда-с. — Овечкин задумчиво помолчал. И неожиданно: — Виталий, за водой!

— Почему это я?

— А почему не ты?

Коллектор сжал зубы: «Ладно, товарищ Овечкин, пользуйтесь своей властью!»

— Ванчик, магнитометр!

Ох, опять шагать по тайге... Ну, ничего, зато — с магнитометром. Это интересно, и есть чему поучиться. Недаром Ванчика, хотя ещё и не всерьёз называют магнитометристом. Штука, может быть, и не очень хитрая, а важная, — по колебаниям магнитных напряжений узнавать, какие породы и как глубоко залегают под землёй. Ну, узнаёт-то, конечно, не Ванчик,а сам профессор. Ванчик только таскает магнитометр по лесу, смотрит на прыгающую по циферблату прибора стрелку и сообщает профессору отсчёты...

Зыбкие сумерки начали кутать лес. Овечкин, склонившись над каким-то камнем, отбил молотком образец, протянул Ванчику:

— Держи-ка. У меня всё полно. У костра запишем. — И двинулся к биваку.

Ванчик повертел камень в руках, сунул в карман и догнал профессора.

— Это амазонит, да, Пётр Николаевич?

— Ишь ты, разбирается!

Лица Овечкина Ванчик не видел, но в коротком хмыканье услышал одобряющую теплоту. Ему сделалось приятно, и он решился спросить:

— Пётр Николаевич, а как вы думаете, выйдет из меня геолог? Когда-нибудь, конечно, не сейчас.

— Геолог? А вот посмотрим, когда это «когда-нибудь» придёт. Тогда и посмотрим.

— А я институт думаю кончать.

— Институт институтом. Во всякой профессии, кроме знаний, ещё кое-что требуется... — И,

не досказав, что же ещё требуется во всякой профессии, умолк, и Ванчик тоже, и уже не решился его беспокоить.

К биваку они подошли уже в темноте.

— Ага, учуяли, Пётр Николаевич, как вкусно пахнет? — приплясывая около костра с поварёшкой в руке, закричал Слава.

— Учуяли, что варево у тебя подгорает, только и всего, — буркнул Овечкин. — Виталий, мешочки для образцов!..

Есть не давала всё та же лесная мразь. Миску можно поставить на землю, но ведь надо ещё держать ложку и хлеб, а отбиваться от мошкары и комаров одной рукой просто невозможно. Виталий к тому же не признавал, как он сам говорил, «варёной мрази», и ему приходилось то и дело вытаскивать из миски комаров.

— Желающие могут последовать доброму примеру, — возвестил Ефрем Иванович и, держа миску в руке, стал прохаживаться около костра, одновременно работая ложкой.

«Последовать доброму примеру» пожелали Ванчик и Слава. Оказалось, получается почти превосходно. На ходу летучие кровопийцы беспокоили куда меньше.

— Эге, даже к комарам можно приноровиться, — не без удивления констатировал Слава. — Ефрем Иванович, может, вы нас и спать на ходу научите?

— Ещё сам не научился, — добродушно признался Суров.

После ужина полагалось всем посидеть у костра. Такой уж завёлся обычай.

Сидели, курили. Овечкин, Суров и Слава скупо говорили об особенностях горного массива, в пределы которого вступил отряд. Осталь-

ные, не очень разбираясь в геологических терминах, молчали. Потом замолчало и начальство. Ванчик начал дремать, но идти в палатку не хотелось: что он, хуже других?

Ваня-большой счёл своим долгом развеселить компанию. Веселил он всегда одинаково. Изобразил из куска брезента не то юбку, не то фартук, повязал сетку накомарника, как платочек, подпёр пальцем щёку и, повиливая туловищем, залихватски запел нарочито тонким, визгливым голосом:

Ой, девочки-милашечки,
Ну, разве я не пташечка?
Я геолога люблю,
Ему песенки пою.
Й-эх, ух, й-эх, ух!
Я люблю даже двух:
Этот рыжий, тот блондин,
А меня — ни один.

У костра зашевелились.

— Полюбишь тебя, дубину такую! — весело усмехнулся профессор. — Помните, — повернулся он к Сурову, — на Вишере в тридцатом у нас дивчина-коллектор была. Такая же вот дубина. Работник — золото! И тоже всё с частушками.

— Как не помнить, — улыбнулся и Суров. — Она ещё нас мясом с жареными тараканами однажды накормила. Ох, и до чего же противно воняют! Молодёжь-то, — он кивнул на молодых членов отряда, — поди, не пробовала жареных тараканов. — И громко засмеялся.

Виталий, сидевший в сторонке, резким движением откинул накомарник:

— Знаете, товарищи, мне это надоело! Пётр Николаевич всё время попрекает нас тем, что он когда-то сам землю рыл, воду таскал или там...

помои. Теперь Ефрем Иванович решил жареными тараканами похвалиться. К чему это? Если наши старшие товарищи в своё время пережили что-то трудное, тяжёлое, плохое, так зачем, спрашивается, обязательно требовать этого и от нас? Тогда время было другое. Вот вы, Пётр Николаевич, начинали жизнь простым, неграмотным рабочим и думаете, что точно такие же сейчас у вас в подчинении. А времена-то ведь изменились — изменились и люди. И вовсе не нужно нам этих... жареных тараканов!

Виталий встал, губы его дрожали.

Ему долго никто не отвечал. Ванчик смотрел на Виталия, приоткрыв рот: что он, рехнулся, что ли, такое говорить? Ефрем Иванович, опустив голову, ворошил в костре угли. Овечкин, не докурив трубку, начал набивать её заново.

— Ну, знаешь... не ожидал, — первым заговорил Слава. — Не тебе бы говорить. — Он тоже встал и принялся подбрасывать в костёр хворост, хотя и без того огонь был жаркий.

— Курёнок, — пренебрежительно сказал Иван-большой и сплюнул.

Овечкин раскурил трубку, попыхал дымком, заговорил спокойно:

— Нда-с...Ожидать-то этого было можно. Но не думал я, что это так остро и глубоко. Запущенная болезнь, господин хороший. Трудно лечить. Но мы будем лечить. Удвоенной и утроенной нагрузкой. Почему лечить так, можно было бы и не объяснять, но я объясню. Специально для Виталия. Популярно объясню, хотя он и считает себя очень грамотным человеком. Трудностей, связанных с прошлым, вы, молодой человек, не видели и, слава богу, никогда не увидите. Они ушли с

ушедшим социальным строем. А возмущаетесь вы трудностями профессиональными. Они остались. На преодолении этих трудностей человек закаляется и проверяет свою любовь к делу...

— На подноске воды, — перебил Трубкин, — на мытье посуды я проверяю свою пригодность к занятиям геологией?

— Да, в частности, и на этом. И пока что для вас в первую очередь на этом.

— Ну, знаете, профессор... Отошло время, когда мастер гонял учеников за табаком да водкой. Мастер теперь обучает приёмам мастерства.

— Чтобы обучить вас, господин хороший, брать руду, я должен сначала научить подходить к руде. Я должен научить вас быть хорошим человеком и хорошим работником. Я должен научить вас относиться...

— Так или иначе, — снова перебил Виталий, — мыть посуду я больше не собираюсь.

— Помолчите! — крикнул Овечкин.

— И молчать не собираюсь. Наплевать мне...

Овечкин не дал ему договорить.

— Хватит, — тихо сказал он и встал.

Таким профессора ещё не видели. Его видели и злым, и насмешливым, и ядовитым, и просто суровым. Теперь Овечкин был яростно спокоен.

— Хватит, — повторил он и переспросил: — Наплевать? — Правая бровь его начала вдруг страшно подёргиваться и дрожать.— На что наплевать?.. На товарищей? На отряд? На геологию?.. — И неожиданно закричал: — Тогда геологии наплевать на вас! Такие ей не нужны. И можете убираться, господин хороший! Немедленно!.. Слышите? Сейчас же!..

Никто не остановил Трубкина. Бледный, с закушенной губой, он подошёл к машине, залез

в кузов и собрал свои вещи. Не сказав ни слова, сутулясь под тяжестью заплечного мешка, он пошёл от костра по промятой машиной траве обратно, к тракту. Ему не смотрели вслед.

Прошло несколько минут. Овечкин спросил:

— Деньги у него есть с собой?

— Есть, — ответил Слава.

— Ванчик, догони, — глухо сказал Ефрем Иванович, — дай ему хлеба и консервов.

Ванчику очень не хотелось делать это. Но он побежал и догнал.

Услышав сзади торопливые шаги, Виталий остановился.

— На, возьми.— Ванчик протянул продукты.

— Подите вы все... к чёрту! — Круто повернувшись, Виталий зашагал вновь.

Когда Ванчик вернулся, у костра сидел один Овечкин. Вымытые миски, сложенные стопкой, лежали в ведре.

Ванчик пошёл в палатку. Не спалось. Какое-то нехорошее, стыдное чувство шевелилось в душе. Рядом ворочались Ваня-большой и Слава.

Ванчик не очень привык разбираться в своих переживаниях, но это нехорошее чувство не давало ему покоя. Откуда оно? Может, от грубости профессора? Нет. Даже в обычной мальчишеской игре поступили бы так же. А тут разве игра? И Виталий не мальчишка. Как же это он? Выбрал себе занятие — и какое хорошее занятие! — а, оказывается, вовсе и не любит его. Или любит, да ленится? Как это так: и любит, и ленится? Нет, видно, тут что-то другое. Вот Пётр Николаевич о трудностях говорил... Но ведь трудности в каждом деле. И у токаря трудности, и у лётчика, у кого угодно. Кем же теперь ста-

нет Виталий? Пойдёт искать, где нет трудностей?.. Выйдет на тракт, попросится на какую-нибудь машину — к железной дороге. Хорошо ехать по тракту, не болтает, не трясёт... Только покачивает. Как во сне...

Ванчик уснул.

Его разбудил раздавшийся около самой палатки знакомый голос:

— Ванчик, за водой!

Ванчик поспешно выбрался из спального мешка и выскочил из палатки.

Солнце уже карабкалось по ветвям деревьев. На поляне, освещенной его косыми, еще нежаркими лучами, сопели и кряхтели Суров и Ваня-большой — боролись. У костра над закипающей в ведре кашей хлопотал Слава. Значит, воду-то уже принесли? Ванчик вопросительно посмотрел на Овечкина.

Тот отвёл улыбающиеся глаза в сторону:

— Долго спишь, брат. Видишь, люди давно делом занимаются. — Он кивнул в сторону барахтавшихся на траве шофёра и заместителя начальника отряда. — Уработались люди. Миски, ложки готовь...

В Уватал они приехали часов в одиннадцать утра. Остановились у края небольшой и, как стол, ровной поляны; хорошее место для посадки вертолёта.

Вскоре следом за ними из леса выехал какой-то грузовик. Водитель его, бойкий черненький малый, подошёл к Ване-большому:

— Вы и есть те самые героические геологи или как вас там?

— Это в каком смысле? — скосил на него глаза с высоты своих почти двух метров Ваня-большой.

— Ну, через лес дорогу пробивали...

— А ты откуда знаешь?

— Я вообще всё знаю. А в частностях — Ипатьич, лесник, сказал. И, кроме всего прочего, ехал я по вашему следу. Груз везу срочный уватальцам. И сам я вообще человек срочный, не люблю задержек. Вот Ипатьич мне и сказал. Взялись, говорит, некоторые отчаянные в Уватал через горку махнуть. Может, говорит, махнули, так за их спиной и ты проскочишь. Ну, а я что? Я проскочил. Так что могу сказать: спасибо... У Ипатьича одного вашего встретил. Молодой такой, а сердитый. Говорит...

— То не наш, — прервал Ваня-большой. — Наших я тебе могу продемонстрировать. Видишь, во-он стоят. То наши. А посерёдке — главный прокладыватель дороги. Познакомить? Сейчас представлю. Ванчик, сюда!

Ванчик быстро повернулся к тёзке, но Овечкин что-то сказал ему, а потом крикнул шофёру:

— Некогда Ванчику пустяками заниматься. Дело есть. — И ткнул рукой в небо.

Там, в сверкающем голубизной просторе, показалась тёмная точка. Это к геологам шёл вертолёт.

А из леса, по неожиданно для шофёров появившейся дороге, выезжали ещё два грузовика...

3 коп.

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962